Глава 30

Не знавший поражений на полях сражений герцог Чжэнь-Бэй был побежден Бай Пин Тин, не убоявшейся смерти.

Он не был убежден и не желал подчиняться.

Но, когда он смотрел в ее глаза, все недовольство и неудовлетворенность исчезали.

Кто велел ему ожесточить сердце или использовать жестокие методы?

Кто знал, что Пин Тин может явить такую сияющую невинную улыбку, увидев его выражение, когда он расслабит брови, или, если проявит к ней малейшее сострадание – приведет к тому, что это станет самым достойным поступком на свете?

Бай Пин Тин была расслабленной и свободной, как ветка ивы, раскачиваемая весенним бризом. Ей было весело. Она понимала, что компромиссы бесполезны и, честно говоря, намеревалась взять на себя инициативу, чтобы прийти в себя после восьми месяцев страданий.

С тех пор она вставала с кровати, чтобы полюбоваться на снег.

Хун Цянь привела в порядок павильон и попросила Мо Жана принести цинь, прежде чем налить выпить.

Чу Бэй Цзе еще не успел войти в комнату, как уже услышал звук циня, плывущий сквозь стены.

Он остановился, прищурил глаза и прислушался.

Далекий и легкий, спокойный и счастливый.

Столь же свободный, как плывущие облака, столь же строгий, как орбиты луны и звезд, и полный лени, заставляя все казаться со временем возможным.

Только горы стояли спокойно, прямо и неуступчиво. Бесчисленные мелкие зверушки, жившие на горе, не боялись ветра и снега. В тот момент, когда снег прекратился, они вышли резвиться в снегу. Они вырыли снежные норы и собрали несколько последних шишек с деревьев, превратив все в сцену ожесточенного сражения. Какое веселье!

Чу Бэй Цзе не мог ничего с собой поделать, но он хотел оказаться ближе к звуку циня. С

гордостью во взоре он повернул во двор, где стоял небольшой павильон, гуцинь, хорошее вино, несколько слуг и невероятно веселая, но столь же невероятно ленивая женщина, держащая его сердце.

Пинг! Звук циня был прерван необычным звуком.

Чу Бэй Цзе побледнел. Его ум бежал впереди него, когда он влетел в павильон.

– Что случилось?

Пин Тин опустила голову, вытянув правую руку. Ее указательный палец был порезан внезапным обрывом струны, вызвав тонкую ранку.

– Почему ты так небрежна? – Брови Чу Бэй Цзе сильно нахмурились. Он схватил нежную руку. – Больно?

Хун Цянь выглянула из-за Чу Бэй Цзе, поспешно сказав:

– Я принесу лекарство.

Ярко-красная кровь медленно закапала с кончика пальца, образуя тонкую струйку. В громких словах Чу Бэй Цзе был как гнев, так и разочарование.

– Зачем играть на цине в такой холодный день? – Он испытывал раздражение при виде красной крови. Мужчина схватил белый нефритовый палец и положил себе в рот, заставляя вкус крови таять на языке.

Пин Тин не могла не рассмеяться, ее брови изогнулись в форме полумесяца, пока ее рану лизал огненный и влажный язык Чу Бэй Цзе.

– Все еще смеёшься? – Лицо Чу Бэй Цзе потемнело, и он воспользовался своей внушительной генеральской манерой, усилив давление в окружающей атмосфере. – В следующий раз ты не должна быть столь беспечной, – он отпустил палец, тот больше не кровоточил, и схватил ее за запястье. – Пойдем в комнату.

Пин Тин отказалась сдвинуться с места.

Чу Бэй Цзе повернулся и посмотрел на нее.

– Хм? – Спросил он, нахмурившись.

Бойкие глаза Пин Тин закатились и она лениво протянула другой, совершенно целый указательный палец:

– Этот тоже хочет, чтобы его поцеловал герцог.

Чем больше она получала, тем большего хотела. Казалось, что через какое-то время достойный герцог Чжэнь-Бэй станет никчёмным дураком, который будет подчиняться только своей жене?

Выражение лица Чу Бэй Цзе потемнело.

– Кончай дурачиться. Давай зайдем внутрь…

Прежде чем слова покинули его губы, выражение лица Пин Тин похолодело. Она вложила палец меж своих губ и молчком прикусила.

– Ты… – Чу Бэй Цзе с силой дернул ее за руку, но было уже слишком поздно. Ее левая рука, которая только что была красивой и совершенной, теперь встретила неожиданное бедствие. На ней появились глубокие следы зубов, жестоко оставленные владелицей.

Кровь медленно сочилась из них.

– Что это было? – Чу Бэй Цзе боялся, что она снова сделает глупость, поэтому крепко держал ее руки. Его брови сдвинулись и он, скрипя зубами, хмуро посмотрел на нее.

Пин Тин не волновало то, что ее руки были повреждены и склонилась в объятия Чу Бэй Цзе, словно это было самым естественным на свете.

– Пфф. – Рассмеялась она.

На ее лицо вернулся нормальный цвет. Она подняла голову и посмотрела на Чу Бэй Цзе.

– Пока герцог беспокоится о Пин Тин, имеет ли что-то еще значение, даже если обе эти руки будут искалечены и никогда больше не смогут играть на цине? – Ее голос был мягким.

Ее слова были ленивы и спокойны, без малейшего намека на ложь.

Сердце Чу Бэй Цзе содрогнулось. Мужчина отчаянно вцепился в нее. Вполголоса приказав:

– Твоя жизнь и смерть, честь и бесчестье – мои. Ты не должна пренебрегать собой и наносить себе вред. Если нарушишь приказ, я накажу тебя по армейским законам.

Уголки глаз Пин Тин дрогнули, и она глубоко вздохнула в объятиях Чу Бэй Цзе. Глядя в глубины его глаз, она ответила:

– Армейские законы суровы, поэтому Пин Тин сдается.

Опираясь на грудь Чу Бэй Цзе, чувствуя, как пульсируют его сильные мускулы, она ощутила принадлежащую ему безграничную силу.

Пин Тин закрыла глаза, слегка поджав губу.

Ласточки приносят удачу,

но слишком большая удача

приносит вред.

Гляди веселей,

Гляди веселей…

Чу Бэй Цзе слушал, обнимая то, что казалось ему самым хрупким сокровищем на свете, и которое к тому же вполне вероятно могло исчезнуть.

След легкой улыбки исчез с его мужественного лица.

Все было как когда-то в резиденции Чжэнь-Бэй, Пин Тин все еще была в его объятиях и пела красивые песни.

Там звучала песня, была мелодия, и был мужчина.

Там были солнце, звезды и луна; там были небо и земля.

Там Бай Пин Тин была в его объятиях.

С того дня звонкое пение Пин Тин часто слышалось из маленького павильона.

Слышимые звуки ритмичной, трогательной мелодии, заставляли остальных завидовать находящемуся рядом мужчине, обнимавшему ее.

Для Хун Цянь эти изменения были смесью удивления и восторга. Она тихо сказала Цзуй Цзюй:

– Видишь? Из-за их ссоры они были буквально поперек горла друг другу. Теперь, когда все разрешилось, все тут же наладилось. Герцог – известный генерал, но перед женщиной, которую любит, он должен был признать поражение. Эх, как оказалось, даже необычные люди становятся беззаботными, когда влюблены.

Цзуй Цзюй ловко приготовила Пин Тин перекусить и повернулась, увидев, что Хун Цянь прислонилась к косяку, наблюдая за двумя людьми, прижимавшимися друг к другу у озера.

– Герцог – сильный противник, но мисс Бай – противник из другой лиги. Я если честно удивляюсь, как небеса заставили этих двоих столкнуться, – воскликнула она.

Хун Цянь обернулась.

– Но это столкновение делает жизнь интересней. Какая ещё женщина, помимо мисс Бай, подходит для нашего герцога?

Цзуй Цзюй легко ответила:

– Тем, кто смотрит со стороны, это может показаться забавным, но ни один человек из окружения никогда не узнает, сколько трудностей ждет их впереди. Ты уже забыла о произошедшем с двумя принцами?

При упоминании двух принцев Дун Линя, Хун Цянь уже не могла смеяться. Она посмотрела за Цзуй Цзюй.

Цзуй Цзюй обернулась, увидев Мо Жана, с каменным лицом, стоявшего за ней.

– Не упоминай об этом снова, – холодно заметил Мо Жан.

– Да. – Ответила Цзуй Цзюй и взглянула на силуэты двух фигур.

Если не упоминать, то об этом можно забыть?

Пин Тин в полной мере наслаждалась любовью Чу Бэй Цзе, выдержав восемь месяцев молчаливого игнора. Глядя на возмущенное, но совершенно беспомощное выражение Чу Бэй Цзе, она очень полюбила тень, которую то отбрасывало на его лицо. Несмотря на все его

превосходство, он лично готовил кашу и скармливал ей лекарство. Отложив всю свою работу, Чу Бэй Цзе сопровождал ее, чтобы любоваться восходами, закатами и движением звезд и луны.

Многие из ее пожеланий были исполнены. Она прислонилась к нему, прислушиваясь к зимнему снегу. Пин Тин попросила его выбрать самый красивый цветок сливы в резиденции и воткнуть ей в волосы.

Все было идеальной мечтой, сном, дрейфующим в серой тени. Пин Тин и Чу Бэй Цзе уступая себе, игнорировали тень, которую невозможно было забыть.

– Пин Тин желает кое-что очень глупое.

– О? – Чу Бэй Цзе чувствовал холод ночи, но она закричала, что хочет посмотреть на звезды. И ему пришлось открыть окно. Держа ее крепко, он небрежно спросил: – И что же?

– Например, к герцогу… – В середине фразы она сомкнула свои маленькие губы, ее яркие глаза задумчиво посмотрели на Чу Бэй Цзе. Затем она самодовольно рассмеялась: – У меня есть очень глупое желание.

Чу Бэй Цзе опустил голову и оглядел ее.

– Насколько глупое?

Пин Тин перевела взгляд на тени, отбрасываемые деревьями в свете яркого полумесяца. Некоторое время она молчала, прежде чем сказать:

– Глупое, потому что я хочу, чтобы герцог не переставал думать обо мне, независимо от сотен и тысяч изгибов и поворотов, – после чего она со следом горечи в улыбке прошептала: – Умная Бай Пин Тин, глупая Бай Пин Тин, добрая Бай Пин Тин и злая Бай Пин Тин… всегда ли будет любимой герцогом Бай Пин Тин?

На лице Чу Бэй Цзе не было никакого выражения, но оно постепенно потемнело.

– Не говори больше. – Он потянулся и закрыл тьму и свет звездного неба. Мужчина твердо, но осторожно, толкнул Пин Тин на мягкий матрас.

– Слишком холодно. Скорее ложись спать.

Он аккуратно расстегнул одежду Пин Тин и снял с нее тяжелую куртку, обнажив под ним белую шелковую одежду. Мановением его руки Пин Тин была завернута в одеяло, оставив только лицо. Через несколько мгновений он сам разделся и втиснулся в кокон. Он обхватил ее тонкую талию, позволив щеке Пин Тин устроиться на его груди.

– Герцог…

– Спи послушно. Не думай о всякой ерунде.

В отчаянии он задул последнюю горящую в комнате свечу.

Чернильно-черные глаза, полные мудрости, не были закрыты, но были полны легкой меланхолии.

Они крепко прижались друг к другу, слушая, как в чужом сердце пульсирует ток крови.

– Кха… кха, кха…

– Что? – Сильное и крепкое тело Чу Бэй Цзе двинулось, его рука прижалась ко лбу Пин Тин.

– Ночь… кха, кха, кха, кха… – Пин Тин попыталась заглушить кашель.

– Твой рецепт, похоже, не сработал. Несколько доз сделали все только хуже. Я велю Цзуй Цзюй осмотреть тебя. Даже если ты не доверяешь навыкам здешних врачей, ты не можешь не доверять ученице Хо Юй Наня, – сказал Чу Бэй Цзе, выпутываясь из кровати, готовясь позвать Цзуй Цзюй.

Пин Тин тут же лениво села, остановив его.

– Даже если мне действительно нужен осмотр, проводить его прямо сейчас не имеет смысла. Почему не завтра? Если мы поднимем столько шума, мне будет еще труднее заснуть.

Чу Бэй Цзе внимательно изучил ее брови, которые действительно имели намек на сонливость. Он кивнул, снова прижимая ее к себе, и приказал:

– Ты должна как следует выспаться и больше не думать о бесполезных вещах.

Древесный уголь потрескивал, горя в очаге.

Пин Тин закрыла глаза и послушно заснула.

На следующий день Цзуй Цзюй вызвали ранним утром. Войдя в комнату, она заметила, что на любимой кушетке Пин Тин никого не было, поэтому просто стояла в прихожей, пока не услышала глубокий голос Чу Бэй Цзе:

– Мы внутри.

Цзуй Цзюй вошла.

Чу Бэй Цзе уже был целиком и полностью одет. На его лбу был тонкий слой пота, будто он занимался фехтованием. Пин Тин все еще лежала в постели и попыталась встать, когда увидела, входящую Цзуй Цзюй. Чу Бэй Цзе остановил ее.

– Когда я хотел, чтобы она пришла вчера вечером, ты упорно отказывалась. Теперь, когда ты в таком состоянии, все еще пытаешься бездумно двигаться? Лежи спокойно и дай Цзуй Цзюй выслушать пульс.

Цзуй Цзюй шагнула вперед и села у постели. Она улыбнулась Пин Тин:

– Будьте уверены, мисс Бай, мой Учитель говорил, что я умелая в этом деле, – она просунула руку в теплые одеяла и, осторожно взяв запястье Пин Тин, потянула его.

Прежде чем девушка смогла внимательно выслушать пульс, она была прервана порывом ветра от распахнувшейся двери. Дверной занавес резко поднялся, и Мо Жан появился у порога, его выражение было серьезным.

– Герцог, доставили личное письмо из императорского дома.

Густые брови Чу Бэй Цзе удивленно поднялись.

– Личное письмо из императорского дома?

– Личное письмо императора.

Выражение Чу Бэй Цзе внезапно стало серьезным. Его спина выпрямилась, как копье.

– Иди в кабинет, – сказал он Мо Жану.

Он сделал два шага, прежде чем вернуться к Цзуй Цзюй.

– Как следует изучи ее пульс, тщательно назначь лекарство и определи корень ее болезни. Ее здоровье в целом не слишком хорошее, поэтому не используй сильные средства. – Затем, делая широкие шаги, он поспешно вышел.

Эти двое вошли в кабинет в разное время. Когда Мо Жан шагнул в комнату, то быстро закрыл за собой дверь и достал письмо из рукава.

Чу Бэй Цзе взял его, изучив императорскую печать. На письме было написано несколько крохотных слов: «Конфиденциально для Бэй Цзе». Действительно, это письмо было от его единственного брата, написанное лично императором Дун Линя. Его сердце забилось от зловещего предчувствия. Из-за отравления двух принцев он пронесся бушующим штормом через столицу, подняв мятеж, с толпой боевых солдат. Испытание закончилось расставанием с императором Дун Линя.

После столь горького несчастья, если только это не было последней надеждой, император Дун Линя не отправил бы личное письмо.

Чу Бэй Цзе и император Дун Линя родились от одной матери, и оба брата были близки с детства. Один принимал решения как император, в то время как другой преданно вел войска для защиты страны, их чувства были начисто лишены трений. Хотя Чу Бэй Цзе со зла и от разбитого сердца поклялся жить в уединении, связи плоти и крови превосходили сердце. Как он мог не беспокоиться о своем брате в далекой столице, после столь срочного письма?

Чу Бэй Цзе сломал печать, развернул письмо и внимательно его прочитал.

Письмо было коротким и, несомненно, написано императором герцогу без участия писцов. Чем дольше читал Чу Бэй Цзе, тем ужасней становилось его выражение. Мо Жан не мог сдержать возрастающего волнения. Он затаил дыхание.

Чу Бэй Цзе прочитал все письмо и заложил руки за спину. Прошло много времени, прежде чем он ответил:

– Юнь Чан и Бэй Мо сформировали союз и отправили триста тысяч солдат, чтобы оказать давление на границы нашего Дун Линя.

Мо Жан сопровождал Чу Бэй Цзе на поле боя сквозь огонь и воду, поэтому хорошо осознавал военную мощь четырех стран. Войска Бэй Мо были явно не очень сильны в битве годом ранее. Юнь Чан, который всегда прятался в углу, превзошел ожидания, поскольку у них был большой потенциал из-за постоянного нейтралитета. Он немного подумал:

– Какого генерала послал командовать войсками Юнь Чан?

Хотя выражение Чу Бэй Цзе было тяжелым, ему все же удалось послать тому довольный взгляд:

– Мо Жан поистине перешел прямо к цели. Большой прогресс. – В его глазах вспыхнул свет, когда он выплюнул: – Хэ Ся.

– Хэ Ся? – Мо Жан уже отчасти догадывался об этом, но не мог не нахмуриться, услышав ответ Чу Бэй Цзе. – Его сила и стратегии чрезвычайно хороши. Боюсь, только у герцога есть навыки соперничать с ним. Хмф, Юнь Чан, наконец, отправил своего принца-супруга. Боюсь, мисс Бай…

– Пин Тин ничего не узнает. – Ответил Чу Бэй Цзе: – Ей больше не нужно иметь никаких связей с подобными вещами.

Мо Жан кивнул в знак согласия.

– В самом деле. – Затем он вспомнил о военных делах Дун Линя и замялся, прежде чем сказать: – Несмотря на то, что армия, принадлежащая союзу Юнь Чана и Бэй Мо, составляет триста тысяч, на самом деле их насчитывается не более ста пятидесяти тысяч. С нынешней силой армии Дун Линя и с сопровождающим их герцогом в сочетании с бывшим, особым отрядом воинов герцога, войск достаточно, чтобы противостоять врагу.

Взгляд Чу Бэй Цзе смотрел вдаль. На его красивом, угловатом лице появилась чуть горькая улыбка.

– Я никогда не думал, что мой Дун Линь, который вел войны и оказывал давление на границы других стран, однажды ощутит подобное давление на своей собственной границе. Похоже, что моя самая большая ошибка состояла в том, что я не захватил столицу Бей Мо одним махом. В результате они объединились с Юнь Чаном.

Мо Жан немедленно закрыл рот, отказываясь что-либо говорить.

Бай Пин Тин провалила битву при Бей Мо. Процесс был сложным. Мо Жан лучше, чем кто-либо другой знал, что случилось. Бай Пин Тин была ахиллесовой пятой Чу Бэй Цзе.

Выражение Чу Бэй Цзе было загадочным и не имело ни единой подсказки для расшифровки.

Напряженная атмосфера заполнила комнату, перехватывая дыхание у людей внутри. Мо Жан с нетерпением ждал, прежде чем заставить себя, словно не понимая, сменить тему.

– Враг продвигается шаг за шагом, а главнокомандующий противников – широко известный Хэ Ся. Без командования герцога, боюсь, армия Дун Линя не сможет долго сопротивляться. Герцог планирует немедленно вернуться в столицу и подготовиться к войне?

Широкая спина Чу Бэй Цзе решительно выпрямилась. От слабого намека на его героический, подавляющий стиль боя, он усмехнулся:

– Возможно, я живу в уединении, но у страны возникли проблемы, и Хэ Ся угрожает моему Дун Линю. Как я могу просто сидеть сложа руки и смотреть? Я отправляюсь немедленно.

Мо Жан заколебался, не зная, как реагировать. Чу Бэй Цзе обернулся:

– Я поспешу в столицу верхом на лошади, чтобы повидаться с моим братом.

– Герцог?

Чу Бэй Цзе махнул рукой, чтобы остановить Мо Жана, приказав:

– Меня достаточно на поле боя. Ты возьмешь под командование охранников, чтобы защитить это место и Пин Тин, – его тон понизился, когда он выглянул в окно, на утренний свет на востоке. Холодным голосом он добавил: – Императрица никогда не забудет о своей ненависти к убийце двух ее сыновей, поэтому она, должно быть, тайно отправила сюда шпионов, ожидая возможности отомстить Пин Тин. Ты должен знать, что делать.

Мо Жан с готовностью ответил:

– Я тоже заранее отправил к ним шпионов. Шпионы императрицы довольно умелы, но малочисленны. Оставшихся охранников, как по количеству, так и по навыкам, достаточно, чтобы справиться с ними. Я немного обеспокоен тем, что после того, как герцог уедет, возможно, императрица решит начисто уничтожить мисс Бай и мобилизует армию...

– Может ли она мобилизовать армию Дун Линя, для нападения на мою резиденцию? – Глубокий голос Чу Бэй Цзе был полон уверенности. – Вот почему я хочу, чтобы ты остался. Пока ты стоишь у входной двери, кто вообще осмелиться вести себя опрометчиво?

Истина была в том, что никто не осмелился бы пойти против Чу Бэй Цзе в армии. Мо Жан был его самым доверенным и преданным человеком, что делало его лучшим представителем Чу Бэй Цзе.

Чу Бэй Цзе поднял голову, казалось, глубоко о чем-то задумавшись. Его взгляд быстро пронесся по стене, прежде чем он шагнул вперед и снял драгоценный меч, который никогда не покидал его на поле боя. Он держал меч в ладони, осторожно касаясь его.

Внутри другого здания.

След удивления мелькнул в глазах Цзуй Цзюй.

Цзуй Цзюй сняла пальцы с запястья Пин Тин, прежде чем поднять свои сверкающие яркие глаза и посмотреть на Пин Тин.

На губах Пин Тин сияла улыбка, полная сладости, которую нелегко было рассеять. Она тихо кивнула.

Цзуй Цзюй сделала глубокий вдох, шепнув:

– Когда вы узнали?

– Когда у меня возникли подозрения, я взяла свой пульс.

– Неудивительно, что вы отказались позволить доктору выслушать свой пульс. – Цзуй Цзюй долго изучала ее, прежде чем вздохнуть: – Мисс, вы создали слишком большой хаос. Вы знали об этом, и все-таки воспользовались отказом от еды. Если герцог действительно оказался бы бессердечным, разве две жизни не погибли бы напрасно? – Она неодобрительно покачала головой и снова спросила: – Знает ли герцог?

Пин Тин не всегда была романтичной, но теперь она стала необычайно застенчивой. Она понизила голос:

– Могу ли я лично сказать ему?

Цзуй Цзюй немного подумала и кивнула.

– Хорошо. Но позвольте мне сначала предупредить, мисс, вы уже сильно повредили свое тело. Отныне вы должны внимательно заботится о здоровье и поддерживать правильную диету, все согласно моим инструкциям. Вы не должны играть на цине в снегу или любоваться звездами на холодном ветру. Если вы не послушаете меня, я заставлю герцога прийти и запретить вам двигаться. Вам даже не позволят выбраться из постели.

Чем больше она говорила, тем серьезнее становилась. Пин Тин не сдержавшись, рассмеялась и смягчила свой голос:

– Ясно. Пин Тин знает, что она ошибалась.

Ее голос был мелодичным, а поза элегантной. На ее лице сияла слабая улыбка, а брови и глаза расслабились. Из-за ее мягких слов, Цзуй Цзюй не могла продолжать ругать ее, только беспомощно качать в раздражении головой.

В своем сердце, Цзуй Цзюй вздохнула, когда поняла, в чем заключалась ее очаровательная, непревзойденная красота. В конечном счете, они были неодолимыми непревзойденными романтиками, которым никто не мог противостоять.

У нее была возможность сделать Чу Бэй Цзе счастливым и способной свести Чу Бэй Цзе с ума.

Цзуй Цзюй все еще вздыхала, когда взгляд Чу Бэй Цзе, входящего в комнату, заставил ее поспешно встать.

– Герцог здесь.

– Ты выслушала ее пульс? – Спросил Чу Бэй Цзе: – Как ее болезнь?

Глаза Цзуй Цзюй метнулись к Пин Тин, отвечая:

– Ничего особенного, она просто должна кропотливо восстановить свое здоровье. Цзуй Цзюй сейчас пойдет, чтобы приготовить лекарство.

Она вышла из комнаты, давая Пин Тин возможность побыть наедине с Чу Бэй Цзе.

Пин Тин прислонилась к кровати, ее глаза следовали за каждым движением Чу Бэй Цзе. Она следила, как мужчина наклонился к ней. На его лице была более радостная, чем обычно, улыбка. Она взяла инициативу и потянула Чу Бэй Цзе за рукав, сказав:

– Сядь здесь, герцог, у Пин Тин есть, что рассказать тебе.

Только Чу Бэй Цзе сел, взгляд Пин Тин упал на меч в его руке.

– Герцог собирается практиковаться? Почему ты взял свой драгоценный меч? – Спросила она с любопытством.

– Я скоро вернусь в столицу, – Чу Бэй Цзе глубоко заглянул в глаза самой красивой по его мнению женщины и вручил ей меч. – Ты все еще узнаешь этот меч? У меня было два меча, один из них – «Забирающий душу», был отдан Хэ Ся, как символ пятилетнего перемирия с Гуй Лэ. Это Божественная Душа, пара с Забирающим душу.

Когда Пин Тин услышала, что Чу Бэй Цзе собрался уехать, с ее лица исчезла первоначальная радость. Она взяла тяжелый меч, опустила голову, чтобы посмотреть на изысканные узоры на ножнах и лишилась дара речи.

Чу Бэй Цзе помедлив, сказал:

– Тут настоящая глушь, поэтому я оставляю здесь Мо Жана и охрану, чтобы защитить тебя. Если… если что-то непредвиденное случится, отправь кого-нибудь на быстрой лошади с этим мечом в казармы Дракона и Тигра в двадцати милях к северу отсюда и попроси генерала Чэнь Му о помощи. Он узнает мой меч.

Когда он закончил, то заметил, что лицо Пин Тин полно одиночества. Он поднял свои большие грубые руки, приглаживая волосы на ее лбу.

– Почему ты так молчалива?

Пин Тин положила драгоценный меч – «Божественную Душу» и медленно прислонилась к груди Чу Бэй Цзе, глубоко вдохнув, словно пытаясь набраться оттуда силы. Минута прошла, прежде чем она спросила тихим голосом:

– Герцог отправляется воевать? Кто-то осмелился напасть на Дун Линь? – Она почувствовала, что Чу Бэй Цзе ненадолго застыл и тут же потянулась, закрывая его рот. Она подняла к нему голову: – Герцогу не нужно объяснять Пин Тин. Пин Тин больше не волнует ни что, кроме герцога.

Чу Бэй Цзе видел эту нежность и очарование и, не сдержавшись, крепко обнял ее. Он понизил голос:

– Разве ты не хотела что-то сказать?

Пин Тин спокойно изучала его какое-то время, а потом спросила:

– Пин Тин уже провела свой день рождения в одиночестве, поэтому не могли бы мы вместе отпраздновать день рождения герцога?

Чу Бэй Цзе родился шестого числа первого лунного месяца, до него оставалось всего пятнадцать дней. Если бы ему пришлось срочно вернуться, такое можно сделать на быстрой лошади, но он должен был бы провести в императорском дворце не более четырех дней.

В то же время ситуация с армией и границами была неизвестна, Чу Бэй Цзе не мог легко определить, сможет ли он выбраться из императорского дворца всего за четыре дня.

Он не хотел разочаровывать Пин Тин, поэтому молчал, не отвечая.

Пин Тин не возражала против этого, ее глаза скрывали теплый смех. Она подняла голову к Чу Бэй Цзе:

– Герцог – прирожденный полководец. Одиннадцать дней достаточно, чтобы добраться до императорского дворца и вернуться обратно, и четырех дней хватит, чтобы герцог завоевал расположение императорских войск. Пин Тин не жадная, просто надеется, что герцог приедет повидаться с Пин Тин, прежде чем отправиться на поле боя. В день рождения герцога Пин Тин хочет сказать герцогу что-то очень важное.

Сердце Чу Бэй Цзе забилось, и он спросил:

– Что-то важное? Разве ты не можешь сказать мне этого сейчас?

Белые и черные части глаз Пин Тин озарились легким упрямством и настойчивостью. Она покачала головой:

– Это что-то крайне важное и должно быть сказано в незабываемый и благоприятный день.

Чу Бэй Цзе собирался спросить больше, но Мо Жан уже вошел в комнату, сообщая:

– Герцог, все готово.

Затем он изучил фигуру в комнате, осторожно спросив:

– Возможно, вы хотели бы отправиться позже?

– Нет, я должен отправляться немедленно, – Чу Бэй Цзе отпустил Пин Тин, уложив ее на подушку. Он посмотрел на ее несравненно красивые, черные волосы. На его кислом лице появился след сожаления. Наконец он открыл рот: – Я попытаюсь вернуться скорее.

Увидев бесконечную радость, внезапно сменившую глубокий взгляд ее ярких глаз, он повернулся и вышел за дверь.

Самая быстрая лошадь, вскормленная лучшим зерном, уже перебирала ногами, постукивая копытами у входа.

Чу Бэй Цзе вскочил на лошадь, его пылающие глаза скользнули к Мо Жану.

Мо Жан стиснул зубы и резко кивнул.

Чу Бэй Цзе опустил взгляд и направился к охране.

– Я отправляюсь в императорский дворец, чтобы получить указ императора. Я вернусь перед тем, как отправиться к границе, чтобы вести войска. Все, строго соблюдайте правила. Не совершайте никаких ошибок!

Все охранники прошли поле битвы, и каждый из них был ветераном, сражавшимся во многих боях. Слова о том, что вражеские солдаты, угрожают их стране, заставили кровь в их венах кипеть. В тот момент, когда Чу Бэй Цзе договорил, боевой дух воспрял, и все прогремели «да».

Чу Бэй Цзе слабо улыбнулся и хлестнул лошадь, заставив четыре копыта ускориться, взметая снег.

Вид спины, полный надменной гордости, казался еще более заметным издали, чем вблизи.

Пин Тин осталась в комнате, спокойно сидя в кресле.

Она услышала отдаленные крики за ее стенами, и ее брови слегка нахмурились. Она знала, что Чу Бэй Цзе уехал, оставив ее сердце пустым.

– Знает ли герцог?

Она подняла голову, только сейчас поняв, что Цзуй Цзюй вошла в комнату некоторое время назад.

– Шестой день первого лунного месяца – его день рождения, я расскажу ему в этот день.

Цзуй Цзюй была озадачена, и ее голос был слегка взволнованным.

– Разве уже не достаточно хорошо, что мисс расскажет герцогу, почему было тянуть это до шестого числа первого лунного месяца? Эх, почему так, чем умнее люди, тем больше тайн они любят хранить? А если вдруг что-то произойдет, даже если ничего не должно случиться.

Пин Тин нахмурилась, покачав головой.

– Не знаю, почему, но герцог вдруг сказал, что ему нужно срочно вернуться в столицу. Я почему-то заволновалась. Я по-правде боюсь, что что-то ужасное случится в столице Дун Линя. В критические моменты герцогу, возможно, придется принимать опасные решения, что означает, чем меньше мыслей, тем лучше. Лучше не сообщать герцогу о моей беременности. Не будем прибавлять ему забот, – задумчиво ответила она.

Цзуй Цзюй потрясенно изучала выражение лица Пин Тин. В ее голосе послышалось облегчение:

– Мо Жан однажды сказал, что мисс видит на тысячу миль. Слушая тон мисс, возможно, у вас уже есть какие-то соображения о том, что происходит?

– Соображения о чем? – Улыбнулась Пин Тин. – Я давно не общалась с внешним миром.

В последнем письме Ян Фэн только упоминалось, что она и Цзэ Инь ушли в уединение без каких-либо других подробностей.

Возможно, Ян Фэн не хотела утомлять ее тело и ум, участием в этих раздражающих битвах за власть.

Бэй Мо воевал как с Дун Линем, так и с Гуй Лэ, что нанесло огромный ущерб войскам. До сих пор единственной страной, которая имела возможность бросить вызов Дун Линю, была Юнь Чан, которая всегда оставалась за пределами общей картины.

Однако почему Юнь Чан перешла от своей национальной политики обороны и непротивления к угрозам могущественным военным Дун Линя?

Она повернулась и увидела, что нежная улыбка Цзуй Цзюй, сбежала с ее лица.

– Не волнуйся, что бы ни случилось, есть две вещи, в которых я абсолютно уверена.

Цзуй Цзюй не сдержавшись, спросила:

– Какие две? – Услышав ее мягкий голос, полный уверенности.

– Во-первых, независимо от того, насколько силен враг, герцог все еще может одержать победу.

Цзуй Цзюй согласилась с этим, и кивнула.

– Тогда вторая? – Спросила она еще раз.

– Вторая? – Глаза Пин Тин просияли, раскрыв намек на гордость. – Независимо от того, где бы ни находился герцог, до тех пор, пока я в опасности, он обязательно вовремя вернется ко мне.

Цзуй Цзюй была ошеломлена.

Почему эта умная, жестокая девушка, снова и снова проверявшая герцога, так сильно сейчас доверяла его привязанности?

Пин Тин заметив ошеломленное выражение Цзуй Цзюй, явила две неглубокие ямочки. Она лениво потянулась:

– Пока эти две вещи гарантированы, почему я должна тратить силы на прочее? Ах, Цзуй Цзюй, ты должна хорошо заботиться о ребенке в моем животе, чтобы, когда герцог вернется, я могла рассказать ему хорошие новости здоровая и сияющая.

Цзуй Цзюй ответила и вышла во двор, чтобы посмотреть на травы, которые приготовила для Пин Тин. Когда она добралась до двора, ей довелось увидеть Мо Жана, только что

проводившего Чу Бэй Цзе.

Мо Жан сказал:

– Герцог уехал. Почему твое выражение такое странное? Что-нибудь случилось с мисс Бай?

Ее выражение стало еще взволнованней.

Цзуй Цзюй покачала головой и, серьезно подумав, изобразила выражение, исключительное для девочек-подростков. Она тихо вздохнула:

– Теперь я понимаю, что женщина, нашедшая мужчину своей мечты – что-то весьма обнадеживающее.

Она в ряд несколько раз вздохнула, как сентиментально, так и с завистью. Затем отправилась посмотреть травы, оставив позади смущенного Мо Жана.

Чу Бэй Цзе несся по дорогам на быстрой лошади, удаляясь от укромного места, как стремительный голубь, хлопающий крыльями в небесах.

Этот генерал, потрясший четыре страны, вскоре оказался вдали от уединения гор и лесов, вновь вернув свою выдающуюся персону в мир.

В императорском дворце Дун Линя величественный император Дун Линя медленно шагал взад-вперед в сопровождении только четырех личных слуг. Императрица Дун Линя, остановившись у деревянной двери и оставив служанок позади, вошла в одиночку.

– Император, – она медленно села на кровать императора Дун Линя, глядя на лицо мужа. Когда императрица Дун Линя спрашивала, ее голос был полон беспокойства: – Неужели император не чувствует себя лучше после употребления лекарств гениального доктора Хо?

Император Дун Линя улыбнулся успокаивающей улыбкой и взял запястье императрицы:

– Извини, я заставил свою императрицу беспокоиться. – Его взгляд метнулся к пустой двери: – Есть ли какие-то новости от моего брата?

– Я только что их получила. Герцог Чжэнь-Бэй уже выехал и скоро прибудет в столицу, – императрица передала новости из письма с рапортом. – Он не взял никого с собой и отбыл в одиночестве. Я уже приказала премьер-министру передать инструкции городским чиновникам,

чтобы те могли надлежащим образом позаботиться о нем.

Она сделала паузу, прежде чем опустить глаза.

– Герцог Чжэнь-Бэй… как и ожидалось, не взял с собой Пин Тин.

– Это потому, что он не хотел причинять тебе боль. Он не хотел, чтобы Бай Пин Тин предстала перед нами, поэтому неохотно оставил свою женщину позади. – Император Дун Линя дважды кашлянул, на его бледном лице появился неестественный красный оттенок. Его глаза потемнели: – Все готово?

Императрица кивнула, беспомощно вздохнув. Она тихо успокоила его:

– Не обвиняй себя, император. Любой член императорской семьи посчитал бы честью пожертвовать собой ради страны.

Несмотря на то, что она сказала это, ее всегда достойное и бесстрастное лицо не могло не выявить следов печали.

Массовые битвы с Гуй Лэ и Бэй Мо вызвали частичную потерю военной мощи Дун Линя, но именно уход Чу Бэй Цзе в уединение после того, как он возглавил мятеж, нанес наибольший удар по некогда могущественной стране Дун Линь.

Если Чу Бэй Цзе полностью откажется от своей военной силы и продолжит свою жизнь в уединении, стало бы трудно измерить степень трещин в силе Дун Линя.

Но даже в этом случае боевой дух армии Дун Линя был поколеблен.

Всего за один короткий год сила четырех стран изменилась и к общему шоку: тем, кто постепенно выигрывал от этого сдвига военной мощи, стал новый принц-супруг Юнь Чана, Хэ Ся.

Союз армий Юнь Чана и Бэй Мо угрожающе близко привел к границам трехсоттысячные вражеские войска. Хотя Дун Линь всегда был господствующей страной, они оказались сейчас в проигрыше, порождавшем страх.

Императрица Дун Линя перехватила секретные письма Хэ Ся. Триста тысяч прибывших солдат, хотели только одну женщину.

Только женщину.

Только… Бай Пин Тин.

Женщину, погубившую двух ее несовершеннолетних сыновей, женщину, которую Чу Бэй Цзе как ненавидел, так и любил. Казалось, она сейчас была спасительницей Дун Линя.

Разве это не было иронично?

Разве это не было поистине неловко?

Вот такая причудливая история, но сомнениям не было места в лично написанном письме Хэ Ся, которое было запечатано официальной печатью Юнь Чана, в том числе с рукописными инициалами принцессы Яо Тянь.

Император Дун Линя вызвал своих самых доверенных чиновников, прежде чем обсудить все сидя в постели.

– Герцог Чжэнь-Бэй откажется передать Бай Пин Тин.

– Мой брат будет сражаться и выиграет для нас эту войну.

– Император, – премьер-министр, Чу Цзай Жань, опустился на колени. Его слова были прямыми и полными боли: – С нынешними вражескими войсками, даже если герцог Чжэнь-Бэй сможет победить, это обернется кровопролитным сражением. Дун Линь понесет огромные потери.

Император Дун Линя изучил пожилых чиновников, которые сопровождали его в течение многих лет, не издавая ни звука.

Жизни всех тех молодых людей, защищавших императорский дом Дун Линя и чиновников, просто не стоили жизни одной женщины, даже если она была самой дорогой женщиной для Чу Бэй Цзе.

Если Чу Бэй Цзе все еще был бы герцогом Дун Линя Чжэнь-Бэем, он должен был знать, что это того не стоило.

– Императрица… – Император Дун Линя глубокой ночью позвал свою измученную супругу в спальню.

Он долго смотрел на решительное и благородное выражение лица императрицы. Император Дун Линя вздохнул:

– Я знаю, что императрица отправила войска к уединенной резиденции брата и приготовила для них засаду, чтобы отомстить за наших убитых детей.

Выражение императрицы не изменилось, но она откровенно ответила:

– Да.

– Но императрица никогда не отдала бы такого приказа.

Императрица самоуничижительно рассмеялась, ее выражение помрачнело.

– В конце концов, она горячо любимая женщина герцога Чжэнь-Бэя. Если бы я действительно приказала им это сделать, тогда братство между императором и герцогом Чжэнь-Бэем полностью сошло на нет. Он… не только младший брат императора, но и защитник Дун Линя, как герцог Чжэнь-Бэй. Он – непреодолимый ров Дун Линя. Независимо от того, насколько я невежественна, я бы не стала разрушать опору этой страны ради собственных чувств.

Император Дун Линя был женат на ней много лет и знал, что она думает о своих двух мертвых сыновьях. Нож пронзил его сердце. Он схватил ее мягкое тело в объятия, крепко обняв.

– Не волнуйся, императрица, я знаю.

Как мог Чу Бэй Цзе, его брат, величайший полководец Дун Линя, герцог Чжэнь-Бей, потрясший четыре страны, простить женщину, отравившую молодых принцев Дун Линя?

Императрица отвернулась, сдерживая слезы. Она спокойно спросила:

– Хэ Ся сдержал свое слово и отступил на десять миль от границы, ожидая дальнейших новостей. Император уже решил?

Император Дун Линя закрыл глаза и долго думал. Когда он, наконец, их открыл, то сказал:

– Отправляй письмо, позволяющее Хэ Ся и его людям приблизиться к уединенной резиденции брата и забрать Бай Пин Тин. Что касается столицы, заставим брата, остаться в императорском дворце любой ценой, пока Бай Пин Тин не заберут.

Личное письмо императора Дун Линя было отправлено Чу Бэй Цзе, глубоко влюбленному в Бай Пин Тин. Он поступил как и ожидалось, не сумев забыть о делах своей страны, Чу Бэй Цзе неохотно покинул Бай Пин Тин.

Уже днем Чу Бэй Цзе прибыл на окраину столицы. Он понятия не имел, что с каждым шагом

лошади, на которой он ехал, он все ближе танцевал в ладони императорского дома, знавшего обо всем, ближе к ладони его единственного брата, императора Дун Линя.

В императорском дворце, они оказались наедине.

Императрица посмотрела на становившегося все более болезненным императора Дун Линя и, наконец, задала вопрос, который чиновники боялись поднять.

– Когда вражеские войска отступят, и герцог Чжэнь-Бэй узнает, что Бай Пин Тин была увезена людьми Хэ Ся, как мы будем ему объяснять?

Лицо императора Дун Линя утратило цвета. Несмотря на свою меланхолию, в нем было сходство с решимостью Чу Бэй Цзе. Он с уверенностью и гордостью, подходящими для императора, ответил:

– Нет необходимости в объяснениях. Пока он мой брат, до тех пор, пока он все еще герцог Чжэнь-Бэй, до тех пор, пока в нем все еще есть след пламенной крови императорского дома Дун Линя, он должен понять, как поступать и выбирать из предпочтения интересов этой страны.

Императорский дом был тем, что отказался от собственного духа, заменив его своей страной и ее людьми.

Независимо от того, насколько любима женщина, она была не так важна, как клочок бесплодной земли Дун Линя. Точно так же, как император Дун Линя был расстроен из-за потери своих сыновей, стоимость потери герцога Дун Линя Чжэнь-Бэя была слишком велика.

Он никогда не мог забыть, что Чу Бэй Цзе, его единственный брат, навсегда стал представителем Дун Линя на поле боя, герцогом Чжэнь-Бэем.

До сих пор, днем и ночью, Чу Бэй Цзе страстно слушал неторопливое пение Пин Тин в своей комнате.

Они не подозревали, что жизнь в уединении никогда не будет для них такой, как прежде.

Власть, война, заговоры и даже привязанности составляли сложное переплетение паутины, теперь лежавшей перед ними.

http://tl.rulate.ru/book/8939/507123